

— Я — Гун Чэн. Гун — как дворец, Чэн — как прозрачность... — Гун Чэн протянула руку, двумя пальцами зажала острие меча Гуань Сяосяо и легко отвёл его в сторону: — Я проиграла... Госпожа Гуань, вы оправдываете свою славу.

Гуань Сяосяо со звоном вложила меч в ножны, не проронив ни слова, и стремглав бросилась в ту сторону, куда скрылась карета. Неужели это была уловка с отводом глаз?

Гун Чэн подняла с земли обронённый меч, медленно повесила его на пояс и, шагая под проливным дождём, растворилась в другом конце длинной улицы.

Гуань Сяосяо, разбрызгивая лужи, промчалась семь-восемь ли и наконец увидела чёрную карету.

Карета развалилась на части. В дикую бурю её разнесло вдребезги — тайник в кузове был вырван с корнем, а карта в промасленной бумаге бесследно исчезла. На земле лежало несколько трупов; из ран хлестала кровь, ливень мгновенно разбавлял её и уносил прочь...

В низинной луже алые от крови дождевые капли взлетали под ударами капель и бледнели.

Гуань Сяосяо протянула руку и приподняла распростёртого на земле Мэн Ту. Кровь хлынула у него изо рта. Одной рукой поддерживая его, другой она упёрлась ему в спину, вливая истинную ци, и губы Мэн Ту шевельнулись:

— Лю... Лю...

Выплеснув новый сгусток крови, Мэн Ту склонил голову набок — дыхание прекратилось. Только ярко-алая струйка всё стекала из уголка рта.

Тело Мэн Ту постепенно холодело, и сердце Гуань Сяосяо холодело вместе с ним.

Поместье Лю?

Мэн Ту был личным учеником отца, его боевое мастерство отнюдь не слабое. В Цзяннани нет никого, кроме клана Лю, кто мог бы так быстро убить Мэн Ту и похитить карту сокровищ!

А что насчёт той Гун Чэн? Гун Чэн в маске? О таком человеке в боевом мире никогда не слышали. Да и для поединка — почему выбрали именно такую ночь, без зрителей, под проливным дождём? И как раз после того, как она получила карту, как раз во время её боя с Гун Чэн, Мэн Ту убивают, а карту похищают!

Гун Чэн? Разве у Лю Цинхуна из клана Лю недостаточно сил для этого? Хотя приёмы и различаются, но для мастера скрыть свои приёмы — дело нехитрое. Гуань Сяосяо обыскала

трупы, но не нашла никаких следов.

Ей пришлось взвалить тело Мэн Ту на плечи и постепенно исчезнуть в пелене дождя.

А раненая Гун Чэн под дождём вернулась в гостиницу. Окно в лучшем номере на втором этаже было распахнуто. Гун Чэн легко вспрыгнула на подоконник и юркнула внутрь, а затем окно отгородило весь мир с его ливнем.

— Вернулась? — Гун Фэйчжэн сидел за круглым столом, в руке — чарка вина, на столе — немного жареного арахиса и говядины.

Гун Чэн сняла меч, с грохотом бросила его в угол и начала стаскивать с себя водонепроницаемый костюм из змеиной кожи:

— Гуань Сяосяо и вправду сильна, меня чуть задела... Ох...

Облегающий ночной костюм был впритык к телу, и стягивать его с раны было больно.

Гун Фэйчжэн поставил чарку и обернулся — как раз в тот момент, когда Гун Чэн, подняв руки, медленно натягивала прилипшую к телу одежду вверх. Та закрывала ей лицо, но обнажала мягкую, нежную, ослепительно белую кожу живота, что в свете лампы жгла глаза.

— Почему ты такая неосторожная? Твоя внутренняя сила выше, чем у Гуань Сяосяо... — Гун Фэйчжэн не считал, что Гун Чэн не справилась бы с ней. Гуань Сяосяо — редкостный талант в боевых искусствах, но мечевое искусство клана Гуань не превосходит искусство Бессмертной Секты. К тому же внутренняя сила Гун Чэн, хоть и после слияния не равнялась сумме сил Семи старцев Луны-Инь, но сохранить шесть-семь долей в теле было вполне возможно. И даже так — она превосходила Гуань Сяосяо.

Гун Чэн замерла, так и замерев с поднятыми руками, когда одежда сползла до груди, скрыв лицо. Она вспомнила, почему потеряла концентрацию во время боя с Гуань Сяосяо, и невольно покраснела. Хорошо, что лицо было скрыто тканью:

— Моё мечевое искусство не очень отточено, в настоящем бою оно не так изменчиво, но я держалась вровень. И вдруг... вдруг...

— Вдруг что? — Гун Фэйчжэн почувствовал, что не может оторвать взгляда. Эта маленькая проказница так и стояла в соблазнительной позе — то ли снимая, то ли не снимая, то ли показывая, то ли не показывая, дразня и распалая.

— Вдруг дождь намочил её одежду, и... учитель... у неё там... — Гун Чэн не знала, как выразиться.

Гун Фэйчжэн понял, что она имеет в виду, и почувствовал, как в груди ни с того ни с сего вспыхнул гнев. Он подошёл и рывком дёрнул одежду Гун Чэн вверх — и тугие, упругие груди выпрыгнули наружу...

В самом деле, промокшие под дождём, два бутона уже затвердели. В ночном свете свечей они алели, заставляя кровь кипеть...

Кровь кипит — почему? Гун Фэйчжэн не стал думать. Мысль ещё не успела оформиться, а он уже протянул руку и сжал эту упругую, полную плоть.

Мягкая, прохладная. Алая ягода — сочная и манящая. Гун Фэйчжэн разжал пальцы и подушечкой большого пальца провёл по бутону.

Твёрдый.

— Учитель... — голос Гун Чэн донёлся сквозь ткань, чуть дрожа.

Гун Фэйчжэн пришёл в себя. На груди Гун Чэн, в области сердца, неглубокая рана всё ещё сочилась кровью. Он достал свой кровоостанавливающий порошок и присыпал её.

— Ох... учитель, полегче... больно... — донёлся голос Гун Чэн сквозь одежду.

В голосе слышались нотки каприза, нотки искушения.

Убрав пузырёк с порошком, Гун Фэйчжэн неторопливо закупорил его и убрал обратно:

— В следующий раз будь осторожнее. В боевом мире коварно и опасно. У тебя нет боевого опыта, легко попасть впросак. Если нарвёшься на секту, что промышляет ядами, сегодняшняя рана могла бы стоить тебе жизни. Поэтому я и велю тебе испытывать меч против людей с праведного пути.

Гун Чэн отозвалась и мягко попросила:

— Учитель, помогите мне снять одежду, она слишком тугая.

Гун Фэйчжэн выпрямился, потянул одежду вверх и стащил её с Гун Чэн — так, что её торс остался полностью обнажённым.

Взгляд Гун Чэн был ясен и прозрачен. Она наклонилась, собираясь снимать штаны. Гун Фэйчжэн отвернулся, сел за стол и допил недопитое вино — невольное искушение труднее всего отвергнуть. Когда Гун Чэн допила свою чарку, он признался себе, что испытывает к этой

девчонке желание.

А эта простодушная дурочка, возможно, даже не подозревает, что женщина может желать женщину.

Вытеревшись досуха и переодевшись, Гун Чэн подошла к Гун Фэйчжэну:

— На улице холодно. Я составлю учителю компанию за чаркой вина.

С этими словами она села рядом, налила себе полную чарку и принялась пить вместе с ним:

— Боевое искусство Гуань Сяосяо и вправду очень неплохое.

— Расскажешь?

— Она придерживается лёгкого и подвижного стиля, приёмы причудливые и изменчивые. — Гун Чэн всё ещё была взволнована: ведь Гуань Сяосяо была её первым противником, и она оказалась не обычным человеком.

Полмесяца назад Гун Фэйчжэн обучил Гун Чэн полному комплексу мечевого искусства. Поскольку внутренняя сила Гун Чэн уже была глубока, он взял её с собой, чтобы показать, что такое боевой мир.

Гуань Сяосяо была первым противником, которого Гун Фэйчжэн выбрал для Гун Чэн.

Кланы Гуань и Лю оба были прославленными боевыми школами в уцзине. Алан мало рассказывал о них — потому что у кланов Лю и Гуань не было тесных связей, а Лю Даочжэн редко упоминал клан Гуань. Но о клане Гуань Гун Чэн кое-что слышала.

Говорили, что Гуань Сяосяо — лучший мастер среди молодого поколения клана Гуань. Алан, рассказывая о ней, не расписывал её боевых навыков, а лишь говорил, что эта женщина неописуемо красива и избалована до крайности, что второй молодой господин из Крепости Янь к ней неровно дышит, но она и смотреть на него не желает.

Это Алан упомянул вскользь, рассказывая историю о третьем господине Янь и Лань Хуажун.

Алан говорил, что все мужчины рода Янь — отчаянные романтики.

— Сколько ни меняйся, суть одна. Мягкость побеждает твёрдость, потому что в твёрдости не хватает гибкости; твёрдость побеждает мягкость, потому что в мягкости не хватает силы. В конечном счёте всё сходится к одному корню. И мягкость, и твёрдость — лишь внешняя

видимость. Сколько ни крути, ни плети узоры — убивающий меч всегда один и тот же приём. — Гун Фэйчжэн бросил это небрежно.

— Какой приём? — Гун Чэн сжала чарку, заинтригованная.

— Состояние единства неба и человека — вот высший приём. Поэтому в боевых искусствах нет самого лучшего, есть только лучшее, ведь до сих пор никто не сумел достичь этого состояния. И праведные, и грешные — все стремятся к этому состоянию, к этому приёму. А тот приём и есть отсутствие приёма! Десятый уровень Искусства прорыва небес Секты Демонов — почему там нет приёмов? Меч клана Лю держится на праведности, и когда достигает высшего мастерства, возвращается к простоте — это тоже отсутствие приёма. Клан Гуань всё твердит о победе мягкого над твёрдым, но дойдя до состояния весеннего ветра и дождя, тоже сливается с небом и землёй. И моя Бессмертная Секта идёт от приёмов к отсутствию приёмов... Поэтому боевые искусства изначально не делятся на праведные и грешные, приёмы — на школы. Сто рек, сколько их ни есть, в конце концов впадают в море. Чэн-эр, неужели ты забыла: пятьсот лет назад все боевые искусства мира были единой школой, все произошли от Секты Тайцзи. Так называемый предел — это совершенство. Я взял тебя с собой, чтобы показать разные школы боевого мира, чтобы ты поняла: боевые искусства мира подобны ста цветам, распускающимся вместе. Но когда однажды ты превзойдёшь их, ты осознаешь, что борьба за первенство не имеет никакого смысла. — Гун Фэйчжэн редко говорил так много.

Гун Чэн захихикала:

— Слова учителя так глубоки.

— Ладно, допивай вино и иди спать. Ты и так сегодня устала. — Гун Фэйчжэн решил оборвать разговор.

Гун Чэн надула губы, выпила ещё несколько чарок и только потом вышла нетвёрдой походкой — надо же, внутренняя сила высочайшая, а пить не умеет совсем! Гун Фэйчжэн вздохнул.

Когда Гун Чэн ушла, Гун Фэйчжэн закрыл дверь, ещё немного попил и лёг в кровать. Закрыв глаза, он никак не мог уснуть. В голове невольно всплыл образ Гун Чэн, снимающей одежду, — белоснежная грудь внезапно заполнила собою все мысли.

Неужели он заразился от Цан Биюэ? Ему нравятся женщины? И именно эта женщина? Гун Фэйчжэн покачал головой, находя это непостижимым.

Гун Чэн вошла в его жизнь чуть больше месяца назад. Её нежность, её чистота и прозрачность постепенно убеждали его, что она — та самая барышня из заднего двора Поместья Лю, не видевшая света, ничего не знающая о боевом мире. Потому он и дал ей имя Чэн — прозрачная. Когда она, в одежде озёрного цвета, босиком прибежала к берегу, он уже решил дать ей это имя — ведь ему не нравилось, что она носит фамилию Лю.

Но Гун Фэйчжэн прекрасно знал: боевой мир коварен. Гун Чэн — дочь Лю Даочжэна, об этом Гун Фэйчжэн никогда не забывал. Эта мысль — точно меч, нависший над сердцем, готовый обрушиться в любой момент. Боевой мир всегда таков: полон ловушек.

Убей он её одним ударом в самом начале — всё было бы просто. Но он оставил её жить, потому что в первую встречу не смог поднять руку. В тот миг он вдруг вспомнил своего старого наставника...

Благо это или беда?

Как ему вести эту невинную, как чистый лист, девушку по боевому миру? Как ему не посрамить память наставника?

Гун Фэйчжэн смотрел в полог над кроватью и не находил ответа. На некоторые вопросы, возможно, никогда не будет правильного ответа. Так, может, лучше быть эгоистичнее? Лучше жить без оглядки?

Тук-тук-тук... — раздался стук в дверь, а затем голос Гун Чэн:

— Учитель...

<http://bllate.org/book/21781/2252314>